

РОМАН КОЖУХАРОВ

***ШТРАФНИКИ
не кричали
«Ура!»***

Они умирали молча

МОСКВА

ИСКУПИТЬ КРОВЬЮ!
ВОЕННЫЕ РОМАНЫ О ШТРАФНИКАХ

РОМАН КОЖУХАРОВ

***ШТРАФНИКИ
не кричали
«Ура!»***

Они умирали молча

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К58

Художник *Борис Аджиев*

Кожухаров, Роман Романович.
К58 Штрафники не кричали «Ура!». Они умирали молча / Роман Кожухаров. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Искупить кровью. Военные романы о штрафниках).

ISBN 978-5-04-221336-6

Лейтенант Отто Паульберг, выпускник элитной школы младших офицеров вермахта, оказывается на Лысой Горе, ничем не примечательном, но смертоносном участке фронта. Здесь его подразделение сталкивается с яростным сопротивлением советских войск. Один из подчиненных лейтенанта, Отто Хаген, — бывший заключенный. Теперь он солдат-смертник и должен пройти через ад, где каждый выстрел, каждый взрыв может стать последним.

По другую сторону — советский солдат Андрей Аникин, прошедший штрафную роту и знающий цену жизни и смерти. Его судьба переплетается с судьбой Отто в кровавом хаосе войны, где каждый считает себя правым, но есть только выжившие и мертвые...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-221336-6

© Кожухаров Р.Р., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Глава 1

НА ЛЫСОЙ ГОРЕ

I

Рота Паульберга снялась с позиций последней. Лейтенант, выпускник Наполы, с самого момента своего появления в роте выказал себя примерным выпускником элитной школы младших офицеров вермахта. Он даже умудрился дважды провести с ротой строевые занятия. Правда, это было еще до Лысой Горы, но на передовой, практически под носом у русских. Те, удивленные такой наглостью, даже прекратили непрерывные артиллерийские и пулеметные обстрелы третьей роты. Видать, пялились в свои бинокли, как Паульберг, срывая почти мальчишеский голос, кричит: «Выше ногу!» Но в деле ротный оказался молодцом. За спины не прятался и сходу показал, что полигоны Наполы он исползал не зря. Линию обороны организовал толково, используя все мало-мальские бугорки и ямки местности, чем даже заслужил похвалу герра майора. Во время

атак русских вся эта практическая наука немало поработала в пользу обороны третьей роты. Вот только отступать грамотно, да еще в кромешной темноте, в элитных школах вермахта не учат...

Когда Отто услышал приказ об отступлении, он не подал виду. Только крепче стиснул зубы. Теперь, когда он стал хорошо питаться и десны немного отошли от цинги, он мог позволить себе такую роскошь — поскрипеть зубами. Многие в батальоне хотели продолжать драться. Слишком дорогую цену батальон заплатил за эту высоту. Измотанные бесконечными атаками, но не сдавшиеся, штрафники всю свою злость заочно вымещали на «доблестных» союзниках-турках. «Комрады по оружию, мать их», — так зло цедил сквозь зубы обер-фельдфебель. И вот как снег на голову, как шальной снаряд в траншею, приказ отступать — непонятный и глупый, как и все на этой трижды проклятой войне.

Нашлись такие среди испытуемых, кто не хотел покидать позиции. И это несмотря на то, что за три дня непрерывных боев здесь уже полегла почти половина батальона. Одна из тех гримас войны, которые уже достаточно повидал Отто. Вывих сознания, недоступный пониманию нормального рассудка. Казалось бы, высота Лысой Горы — опаснейший участок немецкого рубежа обороны, батальон послан сюда на верную гибель. Чем быстрее отсюда

уберешься, тем больше шансов продлить свои дни пребывания в этом аду. Но... те, кто остался в живых в этих траншеях, словно уже составляют с мертвецами одно целое. Они будто не могут и не в состоянии разъединиться. Они уже не разбирают, где жизнь, где смерть, потому что здесь всюду — ад. Все их существо охвачено только одним — убить врага, того, кто наступает, отбить следующую атаку.

Хотя была еще одна причина... Шульц напрямую связывал это с прибывшим перед самым штурмом Лысой Горы пополнением. Они, мол, и притащили на хвосте свежие новости. Об этом как бы не говорилось. Разговоры на эту тему в батальоне приравнивались к рассуждениям о победоносной мощи вермахта, одним словом, были запрещены. Но как-то разом и вдруг все прознали, что якобы заявления о помиловании дадут ход. Причем в массовом порядке.

Неизвестно, откуда взялись эти слухи. Но распространились они по батальону молниеносно. К командирам рот вмиг выстроились очереди претендентов на помилование. Здесь стояли и те, кто впервые решил попытать солдатское счастье, и те, чьи заявления по несколько недель лежали в штабной канцелярии, ожидая своей участи. Ведь именно ротный давал ход этой заветной для каждого штрафника процедуре.

II

Они выдвинулись в хвосте батальона. Первая рота, усиленная моторизованными артиллерийскими установками, значительно прибавила. Вторая рота — за ними. Если бы держаться за ними, отставания можно было избежать. Но этот-то момент ротный и упустил. Он приказал остановиться и ждать подводы. Коноводы завозились со своими телегами.

Понять лейтенанта можно: ведь роту кормить надо, и мерзнуть в этих чертовых донбасских степях никому не хочется. Октябрьские ночи становились такими холодными, что солдаты натягивали на себя все подряд из обозных запасов теплых вещей. Да только этой ночью мерзнуть не придется. Отто почувствовал это всем своим солдатским нутром, когда кромешная тьма впереди озарилась огненными вспышками. Один за другим ухнули взрывы. Это дозорный секрет, высланный вперед лейтенантом, напоролся на русских. Нельзя было останавливаться ни в коем случае. По пятам за ними гнались русские, и впереди были русские. Теперь они были повсюду.

Стрельба началась как-то сразу. Беспорядочный треск и грохот обрушились на голову маршевой колонны. Дозорный секрет первой роты напоролся на русских, а те спросонья ударили из всего наличного. Ротный только успел отдать приказание рассредоточиться в цепь. Снопы трассеров дырявили непро-

глядную темноту. Казалось, что очереди повсюду вокруг. Отто казалось, что пулеметы грохочут возле самого уха. Звуки выстрелов стремительно распространялись в промозгом сыром воздухе. Крик лейтенанта Паульберга раздался где-то слева.

— А, черт, за мной... — зло зарычал Шульц. Он шел в колонне рядом с Отто, когда все началось. Шульц и еще несколько солдат бросились к лейтенанту. Отто тоже, скорее по инерции, побежал за ними.

Кромешная тьма непрерывно озарялась гулкими огневыми вспышками. Отто отвечал на них очередями своего шмайссера. Вскоре ошметки темноты, изрешеченные световыми пунктирами трассеров, пламенем взрывов, превратились в странное и жуткое месиво из звуков и прыгающего, точно пляшущего света. Это только добавляло паники и сумятицы в действия роты. Никто толком не мог понять, откуда бьют русские и русские ли это вообще. Только через несколько минут выяснилось, что с левого фланга их обстреливает собственный арьергард второй роты. Они заблудились и ушли слишком вправо. Крики командиров отделения и ротного едва различались в этой неразберихе. Отто залег возле какого-то кустарника с голыми ветвями. Его шмайссер, поначалу поддавшийся панической истерике происходящего вокруг, теперь экономно выслеживал то и дело загоравшиеся левее огневые точки. Именно там на-

ходились русские. По крайней мере, так выходило из криков обер-фельдфебеля Барневица. Даже его луженая глотка не могла пересилить этой смертельной ночной какофонии, срывалась и сипела.

III

Все минут десять, не больше. Примерно столько понадобилось батальону, чтобы понять: русские сомкнули кольцо, и отступать некуда. Это была общая картина, доступная комбату и его штабу. Но здесь, на участке искромсанной в кровь третьей роты, каждый искал свое объяснение неудачной попытки ночного прорыва, стоившей стольких жизней.

Шульц во всем обвинял лейтенанта. Они почти на ощупь карабкались назад, а он, не переставая, на чем свет костил командира роты Паульберга. Чертов обоз... Из-за него пришлось вернуться. Видно, суждено им всем усыпать костями эту проклятую Лысую Гору. Чертыхания Шульца непрерывно раздавались в темноте, среди сопения, кашля и тяжелого дыхания вымотанного маршем и боем отделения. Отто шел молча. Дрожь еще сотрясала его руки и ноги, но постепенно он успокаивался. В конце концов, он тоже не хотел оставлять Лысую Гору. И скорее всего, лейтенант Паульберг тут совсем ни при чем. Ведь он попросту выполняет приказ герра майора. А тому наверняка приказ отступать переда-

ли из дивизии. И, само собой, проводя разведку боем. И не все ли равно, погибни они от русских пуль или от очередей своих же «пятисотых» штрафных из второй роты. В штрафном лагере в Лапландии товарищи Отто гибли как мухи, но никаких русских там и в помине не было в радиусе тысячи километров. Их убивали свои же, черт побери, живодеры. К тому же в своих действиях они руководствовались исключительно инструкциями и приказами, а от себя добавляли совсем немного романтики. Так, самую малость. Так что в этой войне нет виноватых. В том, что здесь происходит, нет ни логики, ни рассудка. Какая логика может быть в действиях сошедшей с ума уродливой стервы? Выходит так, черт побери...

— Все из-за этого чертова обоза. Разве не так, Отто? — продолжал гугнить Шульц. — Если бы лейтенант не приказал ждать обоз, мы бы успели проскочить русских. Ты слышишь, Отто? Или тебя контузило? Эй...

— Да заткнись ты... — раздалось слева, почти возле самого уха Отто. Прозвучало почти шепотом, но так угрожающе, что Шульц, как по команде, сразу заткнулся. Так успокоить мог только обер-фельдфебель Барневиц. Он прибыл вместе с новым ротным, и в первый же день все в роте поняли, что с ним лучше не ссориться. Солдаты из охранения, выставленного ротным возле Лысой Горы, привели троих местных. Те шли с поднятыми руками. Стар-

ший охранения, громила Хайгрубер, доложил оберфельдфебелю, что русские сами вышли на них, говорят, что местные, что не хотят больше работать в колхозе, а хотят работать на Германию. Оберфельдфебель переспросил Хайгрубера: «Не хотят работать в колхозе?» Вывел потом этих троих русских на самый край траншеи. Он велел им повернуться лицом к траншее и еще раз спросил:

— Rus Ivan niht will arbaiten ab kolhoz?

— Не... не... — мотали головами испуганные русские. Совсем жалкий был вид у них. Они стояли с поднятыми кверху заскорузлыми руками. Их головы тряслись, их белые лица пытались повернуться, но вдруг останавливались и не оборачивались. Они очень боялись оглянуться и увидеть оберфельдфебеля. А потом головы их, одна за другой, нырнули вперед, дернув все тело следом, в траншею. Точно молотком в затылок. Это фельдфебель пистолет свой в них разрядил. Методично так, в одного, второго, третьего... А потом в кобуру его — раз... запросто так, отточенным движением. И говорит: «Иваны не хотели в колхозе работать... Исполнилось желание иванов...» Серьезно так сказал, без тени улыбочки. И посмотрел на всех, кто вокруг стоял, мол, все ли его правильно поняли. Что ж, его прекрасно поняли. До самого отбоя в роте разговоров почти не слышно было. Даже уставной персонал, и тот охоту к шуточкам потерял.

Но сейчас Отто внутренне соглашался с оберфельдфебелем. Нытье Шульца, его нескончаемые причитания выводили из себя. Что толку теперь тратить силы на пустую говорильню. И так ясно, что их дело плохо. И это стало ясно еще тогда, когда русские поперли в атаку. Они решили во что бы то ни стало отбить высоту возле Лысой Горы. Что ж, им это удалось. Но только не с первой попытки. И даже не с десятой... До сих пор никто в роте не мог понять, почему они отступили. Приказ пришел из дивизии. Солдаты, выкарабкиваясь из траншей, изрытых бесконечными обстрелами русской артиллерии, не сдерживали досады, остервенело материли соседей-пехотинцев, обзывая их «слабаками» и «беглой дивизией».

Все, включая «уставной персонал» и младших офицеров, были уверены, что спешное отступление затеяно из-за пехотной дивизии. На стыке с левым флангом 500-го испытательного батальона в местном колхозе расположился турецкий батальон, входивший в состав дивизии. Их не спасло даже то, что позиции были усилены расчетом пулеметчиков и артиллеристов. Внезапная танковая атака русских сделала свое дело. Целый взвод турок бросил свой рубеж обороны, оголив фланг штрафников. Вклинившись в образовавшуюся брешь, русские создали угрозу полного окружения испытательного батальо-

на, насмерть вцепившегося в стратегически важную высоту Лысой Горы.

Не зря обер-фельдфебель называл дивизию, к которой был прикомандирован испытательный батальон, мусорным сбродом. Действительно, по слухам, доходившим из штаба, в егерской дивизии было полно неарийских подразделений. У села Мирное развернули румынский кавалерийский полк, а с левого боку от штрафников, на рубеже обороны, окопался турецкий батальон. Говорили даже о грузинской роте, которой якобы командовал бывший лейтенант Красной Армии. Барневиц не скрывал своей ненависти к этим соратникам по оружию. Эта тема не давала ему покоя. В траншеях на Лысой Горе то и дело можно было услышать его озлобленное бормотание:

— Вояки... Да самая паршивая овца из нашего 500-го доблестнее их всех, вместе взятых...

Он заводил сам себя, слово за словом, будто подкидывая полено за поленом в топку своей злобы.

— Немцев, истинных арийцев, за несерьезную глупость отправляют в штрафники, — не унимался обер-фельдфебель. — Но они дерутся как львы. А эти — трусливый сброд. При первой же серьезной атаке они обсираются и показывают свои загаженные спины... Но все равно они — солдаты полноценной стрелковой части вермахта...